

П.Н.ДЕВЯШИН

МАМА ЛИДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Девашин

Мама Лида

<https://litres.ru/74450349>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему немецкий снайпер убивает солдат, а не офицеров?

Лейтенанту Лиде Кирнос предстоит узнать ответ.

Она учит мальчишек держать винтовку и не бряцать пряжками — потому что лишний звон стоит жизни. Она ненавидит их за то, что каждый второй погибнет. И всё равно ползёт с ними по руинам Сталинграда.

Напротив — «Эдельвейс». Немецкий снайпер, имя и звание которого никто не знает. Он бьёт с невероятной дистанции и никогда не промахивается.

Лида не сумеет защитить каждого. Но, может, хоть одного? Даже если для этого придётся встать под прицел цейсовской оптики.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Павел Девяшин

Мама Лида

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лида вскинула трёхлинейку. Щелчок — затвор отошёл назад. Палец скользнул в ствольную коробку, извлёк узел затвора и, надавив на зацеп, вынул боёк из гнезда.

Она делала это не глядя, механически, как чистят зубы по утрам. Стук стали о сталь, шипение маслёнки, шуршание ветоши — всё это отзывалось в тишине плаца звонче любых команд. Руки двигались сами собой. Взгляд шарил по шеренге. Цеплялся за сбитые пилотки, оттопыренные воротники, поясные ремни, наспех застёгнутые на «один зуб», так что медные бляшки пучились в разные стороны. Мальчишки стояли, вытянувшись в струнку, и страх, такой явственный и кислый, что его можно было понюхать, висел над ними, как сырой туман над болотом.

— Смирно! — рывкнула лейтенант Киринос. — Осмотреть оружие. Доложить по готовности.

Закинув собранную винтовку на плечо, она пошла вдоль строя. Сапоги тридцать девятого размера, сплошь покрытые кирпичной пылью, стучали по утрамбованной земле. Лида

знала: эти мальчишки, с их кадыкастыми шеями и ещё не впитавшими порох ладонями, через месяц будут ползать по руинам. Их будут бить, и они будут бить в ответ. А тот, кто не перестанет сверкать до блеска начищенными пряжками, кончится первым. На ремнях у некоторых болтались лишние хвосты. Чёрт. Каждый дурак знает, что их надо подрезать, не то будут цепляться за кусты и камни.

На лбу пролегла складка. Лида стиснула губы, отчего рот превратился в тонкую бесцветную полоску.

Она ненавидела их за то, что каждый второй погибнет. Щенки, которых только сослепу или спьяну можно назвать снайперами. Глядя, как новобранцы держат винтовки, инструктор сжала кулаки и ускорила шаг. Поравнявшись с крайним, сероглазым пареньком с торчащим, как крыло подбитой птицы, воротником, безотчётно вскинула ладонь — поправить.

Пальцы неожиданно мягко скользнули под гимнастёрку, расправили мятый край. Паренёк на мгновение замер, и по его лицу, ещё по-детски круглому, с пухом над губой, который он старательно не брил, дабы казаться старше, пробежала такая растерянная, благодарная улыбка, что Лиде показалось — сейчас скажет «спасибо, мам». К счастью, ничего подобного не произошло. Усатое чудо сглотнуло и вытянулось ещё сильнее, до хруста в позвоночнике.

— Как звать?

— Василёк.

— Отвечать по уставу!

— Рядовой Васильев, товарищ лейтенант.

Инструктор смерила парня взглядом, двинулась в обратную сторону. Василёк, мать его через пень-колоду. Цветочек аленький. Тьфу!..

— Если кто-то думает, что здесь детский сад, где вам будут утирать носы, тот может сразу сдать оружие и пойти в повара. А ещё лучше — садитесь на вёсла. Выйдет хоть какой-то прок. Волга вон она, ждёт, — говорила она, всё ещё чувствуя под пальцами колючую грубую ткань гимнастёрки. Этот жест — привычный и естественный, как дыхание, — вдруг вырвал её из настоящего, швырнул назад, где она так же, наспех, на ходу, поправляла воротник другому мальчишке. У того, у своего, у Серёжки, воротник всегда норовил задраться вверх, к ушам, и она, смеясь, осаживала его обратно, приговаривая: «Нахохлился, как воробушек под дождём, — девки засмеют».

И вот теперь она стояла здесь, на холодном плацу, и мальчишка, чей воротник она только что поправила, смотрел на неё круглыми, ошалелыми глазами. Лида почувствовала, как левая рука начинает неметь. Онемение поднималось от кончиков пальцев, захватывало запястье, и она знала, что это не от неудобной позы — это от боли, которую она носила в себе после его смерти. Молча, как застарелая дробинка, которая не выходит, но каждую осень напоминает о себе тянущей болью. Пахло гарью — не здесь, на плацу, а в памяти, где в

тракторном цехе после пожара горела обмотка на проводах, и этот запах, смешанный с сырой известкой, стоял в ноздрях, казалось, навсегда. Лида, сама того не желая, втянула воздух, проверяя: нет, сейчас только ветер, прелые листья и осенняя промозглость с реки.

Она не узнала собственный голос:

— Рота, ложись! По-пластунски до оврага, занять круговую оборону.

— Товарищ лейтенант, — раздалось за спиной, и Лида, не оборачиваясь, узнала голос — тягучий, с начальственной хрипотцой. Полковник курил папиросу, придерживая её двумя пальцами так, что пепел, длинный и серый, вот-вот должен был упасть на плац, и смотрел на неё с той странной смесью одобрения и укора, которая всегда появлялась у него, когда речь заходила о «жёсткой муштре». От него, как всегда, разило табаком — духовитым, крепким, «Беломором».

— Слушаю, товарищ полковник, — сказала Лида, вновь вгоняя себя в ту жёсткую скорлупу, где она была только инструктором, и больше никем. — Занятия веду. Отражаем атаку предполагаемого противника.

— Это я вижу, — усмехнулся полковник. — Давно у нас так молодняк не пахал. Ты, Лида, смотри, задавишь их своей дисциплиной. Они же дети. У них ещё молоко на губах не обсохло, а ты на них как на фронтовиков смотришь.

Лида нахмурилась. Слова застряли в горле, и она выдавила их сквозь зубы, холодно и звонко:

— А на фронте, товарищ полковник, по-вашему, кто? Дети и есть. Те, у кого молоко на губах. И мрут они не хуже стариков. У них эта наука поставлена на ять. Оттого, что португеза брэнчала на сто метров, потому что пряжку подтянуть забыли, и она, железная, звякала при каждом шаге. Оттого, что ремень затянут на «соплю». Оттого...

Она замолчала, чувствуя, как прыгает челюсть, и добавила уже тихо, почти шёпотом:

— У меня сын был. Серёжка. Ему бы сейчас двадцать второй пошёл. Я ему галстук купила. На именины. С белыми якорями, он у меня с детства в моряки метил. На Балтику. А теперь... эта тряпка в коробочке лежит. В картонной, знаете, такой, с ленточкой?

Полковник докурил, щелчком отправил окурок в ведро с песком — окурок стукнулся о край, рассыпал искры, — и, ничего не ответив, ушёл.

Лида обхватила себя за плечи. Как-то совсем по-бабьи. Шмыгнула носом, но тут же выпрямилась. Зло смахнула слезу. Что это с ней? Ведь калёным железом себя травила. Кости да мясо на сталь-чугун обменяла, и на тебе.

Всё из-за этого сопляка. Василёк, язви его.

Поглядев, как новобранцы ползут, смешно выклячивая зады, Лида отвернулась к берегу.

За Волгой, где вставал уже знакомый, неотвязный розовый отсвет, горел город — неярко, приглушённо, но так упорно, что казалось, сама земля там дышит жаром. Ветер

доносил глухой, неровный гул, похожий на чей-то далёкий, непрекращающийся кашель, и время от времени в нём проступали отдельные, чёткие хлопки, от которых воздух на этом берегу вздрагивал мелкой дрожью, как вода от брошенного камня. А здесь, на плацу, было тихо — до звона в ушах, до того странного, неестественного беззвучия, какое бывает только перед самой большой бедой, когда всё живое затаилось и ждёт.

В сентябре она отправила туда точно такого же парнишку. С такими же усиками и затравленным взглядом. Прежде чем сесть на паром, он обернулся. Голосок тонкий-тонкий:

— Товарищ лейтенант. А можно...

Она должна была остановить его. Должна отправиться с ним. «Должна». Слово саднило в голове.

Новобранцы вопросительно поглядывали на неё из оврага. Ладно, хоть винтовки не растеряли. Орлы. Красноармейцы.

— Вольно! Разойдись!

Мальчишки бросились врассыпную. Ветер шевелил листья клёна над головой.

— Можно, — шёпот ушёл в пустоту. — Конечно, можно.

Она поправила винтовку и, не оглядываясь, зашагала к переправе. Стук сапог растворился в артиллерийском раскате, фигуру лейтенанта поглотил холодный октябрьский сумрак.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лида шла по битому кирпичу, стараясь не думать, что каждая трещина может угробить лодыжку. Сломать, выворотить вместе с мясом.

Полковник подписал рапорт две недели назад. Выругался по матери, поправил портупею и достал перьевую ручку. Косым гвардейским росчерком перевёл лейтенанта Киринос в действующую армию. Под начало Чуйкова.

Волга бурлила от свинца и воя пропеллеров. Лида пересекла её на прогулочном пароходе (пробитое тысячей пуль и снарядов корыто!) вместе со своими мальчишками. Чисто утка с утятами.

С тех пор она успела похоронить троих. Василёк, как ни странно, держался. Она оглянулась: вот он вышагивает по руинному морю, сжимая винтовку, словно спасательный круг.

Они пробирались через завод «Баррикады», где вместо стен зияли проломы, а сквозь дыры в перекрытиях виднелось низкое, октябрьское небо. Взгляд отмечал осколки, воронки, битое стекло. Метнулся в окошко. Там, посреди пустой улицы, лежала обгоревшая детская коляска. Колесо крутилось от ветра и противно скрипело. Лида поморщилась. Скрип мешал сосредоточиться.

Ветер с реки, холодный и колючий, поднимал чёрный пепел, кружил его вдоль обгоревших стен. Он был везде. Въедался в кожу. Пахло так же, как во всём Сталинграде: горелым железом, кирпичом и чем-то сладким. Таким въедливым, что не выветривалось даже после дождей.

Лейтенант Кирнос натолкнулась на небывалую редкость — целое стекло в почти не сгоревшей раме. Отвернулась, чего там смотреть? Под глазами — синева, бушлат висит мешком, плечи осунулись. Она не помнила, когда в последний раз по-человечески ела.

Скрипнула зубами. Не время разнюниваться.

Облизнула палец, проверяя ветер. Принюхалась. В ушах оборванным проводом гудела тишина: в ней пряталась смерть. Как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.